

М. Браксаторис

Национальная философия Людовита Штура на оси Запад – Словакия – Восток

Аннотация: Автор анализирует взгляды идеолога словацкого национального возрождения Людовита Штура в области национальной философии, философии истории, нации, языка и частично эстетики. Эволюция взглядов Штура на ось Запад – Восток изучается на материале всего его творчества с точки зрения характера и происхождения их идейных источников, а также культурных и геополитических предпочтений. Идейные источники рассматриваются в аспекте присутствия гегельянских, гердеровских, славянофильских и, отчасти, гумбольдтовских элементов в философских взглядах Штура на отдельных этапах его жизни и творчества. При изучении культурных и геополитических предпочтений Штура внимание автора концентрируется на хронологических аспектах возникновения и последующего развития его взглядов, присутствующих в послереволюционный период его творчества. В заключительной части работы (помимо прочего) описывается инвариантная основа национальной философии, которая отражалась в произведениях Штура на протяжении всей его творческой жизни.

Ключевые слова: Людовит Штур, национальная философия, Запад, Словакия, Восток

Abstract: The author presents an analysis of ideological views of the Slovak national revival by Ľudovít Štúr in the national philosophy; philosophy of history, nation, language, and partly aesthetic. He follows the evolution of opinions on the axis of the West – East from the perspective of nature and provenance of ideological sources as well as cultural and geopolitical preferences. To understand Ľudovít Štúr's ideological sources, the author examines the extent of the presence of a Hegelian, Herder, Slavophile and partly Humboldtian elements in Štúr philosophical views on various stages of his life and work. As part of his characteristics of cultural and geopolitical preferences the author focuses on chronological aspects of the creation and further development of views which are presented in the post-

revolutionary phase of his work. In the final part of the article, the author describes (among other things) invariant basis to understand issues of national philosophy, which are reflected in Štúr works during his entire creative life.

Key words: Ľudovít Štúr, national philosophy, West, Slovakia, East

Хотя тема настоящего доклада посвящена относительно хорошо исследованной проблематике, она до сих пор требует систематического изучения на материале всего творчества Людовита Штура.

Прежде всего определим наше понимание термина «национальная философия», употребляемого в работе. Мы присоединяемся к точке зрения словацкого историка философии Владимира Бакоша, который считает, что философия «является универсальной своим предметом, проблемами и методами, но при этом очевидно, что она специфически национальна не только формой языка и степенью разработанности собственно национальной научной терминологии, но и содержанием (оптикой тематизации и решения проблем относительно конкретного общественного или индивидуально-человеческого расположения)». Бакош также констатирует, что «под национальной философией понимается, с одной стороны, развитие философии в национальном языке, а с другой – определенное историческое явление, в частности конкретные формы философии истории и нации, развивавшихся в Словакии в XIX веке в период так называемого образования народа»¹.

Во избежание недоразумения следует также уточнить, что, говоря о Востоке и Западе, мы будем иметь в виду оппозицию Востока и Запада в рамках европейского культурного и геополитического контекста, а не оппозицию Европы и Азии.

ОСНОВНЫЕ ИДЕЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЛЮДОВИТА ШТУРА

Хорошо известно, что идейными источниками национальной философии Людовита Штура являются главным образом Георг Вильгельм Фридрих Гегель и Иоганн Готфрид Гердер. Как показал словацкий лингвист Славомир Ондрейович², в области философии языка и лингвистических исследований Штур опирался также на философию Вильгельма фон Гумбольдта. Из словацких идейных источников следует привести главным образом Яна Коллара и Павла Йозефа Шафарика.

¹ *Bakoš Vladimír.* Otázniky nad dejinami slovenskej filozofie // *Filozofia.* Вып. 58. 2003. № 10. S. 673.

² *Ondrejovič Slavomír.* Zo slovensko-nemeckých vedecko-kultúrnych vzťahov. (Wilhelm von Humboldt a Ľudovít Štúr.) // *Studia Academica Slovaca.* 27. Prednášky XXXIV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Bratislava : Stimul – Centrum informatiky a vzdelávania FF UK 1998. S. 118–123

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Свое понимание истории Штур излагает в разных работах. По его мнению¹, «вся история служит духу или, иными словами, духовные интересы, как то: Вера и Государство, искусство и наука, проявляют в ней свое действие и влияние. Они все более и более облагораживают человеческий род, освобождают его и приводят к самосознанию, приближая к идеалу человеческой жизни». В соответствии с тезисом, сформулированным в произведении «Жизнь народов», история идет в направлении развития и совершенствования человеческого духа².

Такое понимание полностью соответствует точке зрения Гегеля³, в соответствии с которой история является сценой, собственностью и областью реализации духа. Исходной точкой философии истории Гегеля является идея о том, что история представляет собой развитие духа во времени, целью которого является его самоосознание, осуществляемое через осознание свободы отдельными народами.

По образцу Гегеля в произведении «Жизнь народов» (II, 12). Штур выделяет две формы жизни: естественную (питье, сон и др.) и духовную (религия, искусство, наука). Варварским народам свойственна главным образом естественная или физическая жизнь. Эти народы являются неисторическими. Все народы, включая неисторические, имеют религию. При этом исторические народы живут и другой, духовной жизнью (искусство, наука) (II, 13–14). Хотя и у неисторических народов есть такая жизнь, они лишь развивают заимствованное и не поднимают духовную деятельность на новый уровень (II, 18).

Как уже было сказано, с гегельянской точки зрения история представляет собой процесс осознания свободы. По мнению Гегеля, он начался уже в древнейших ориентальных деспотиях, но свобода в них распространялась лишь на привилегированные лица. Греки и римляне эту свободу расширили на более широкий круг людей. Только германские народы на основании христианского мировоззрения поняли, что человек является свободным как таковой и что свобода духа представляет собой часть его внутренней сущности⁴.

Вслед за Гегелем Штур в произведении «Жизнь народов» предлагает сходную концепцию истории, расширив ее ролью славян в историческом процессе. Он характеризует азиатский Восток посредством атрибута несвободы, греков и римлян посредством античной гармонии и тех же самых греков, а также романские и германские народы посредством христианского

¹ Штур Людевит. Славянство и мир будущего: послание славянам с берегов Дуная. Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1867. С. 31–32.

² Štúr Ludovít. Dielo II. Bratislava: Tatran, 1986. S. 23. Далее будет цитироваться это издание с указанием номера тома и страниц в скобках. – *Ред.*

³ Hegel Georg Wilhelm Friedrich. Filozofia dejín. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo politickej literatúry, 1957. S. 60.

⁴ Hegel Georg Wilhelm Friedrich. Filozofia dejín. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo politickej literatúry, 1957. S. 25.

мировоззрения: лишь оно гарантирует настоящую свободу человека (II, 27). При этом свобода, по мнению Штура, играет ключевую роль в историческом процессе (II, 27) и, как он доказывает в произведении «В чем заключается наша беда» на примере словаков, подчиненность препятствует развитию духа (II, 104 и след.).

В отличие от методологии, содержание философии истории Гегеля не могло удовлетворить представителей словацкой национальной жизни, так как Гегель считал славян неисторическим народом. Подходящий стимул для развития национальной философии Коллара, Шафарика и Штура дала философия Гердера, включающая следующие тезисы¹:

- а) славяне представляют собой единый народ;
- б) они отличаются большим количеством и большой территорией;
- в) они владеют большим потенциалом духовных сил;
- е) они отличаются трудолюбием;
- ё) им свойствен миролюбивый характер, доброжелательность, доброта, вежливость, гостеприимство, бескорыстность, терпение, послушность и т. п.

Гердер описывает историю как колесо, наверху которого раньше стояли римляне, после их падения туда поднимаются германцы и в будущем их заменят славяне².

Вдохновленный философией Гердера, Штур включает славян в свою историческую концепцию, считая историческими народами индийцев, мидийцев и персов в Азии, египтян в Африке и кельтов, греков, римлян, германцев, литовцев и в будущем славян в Европе (II, 18); все упоминаемые им народы являются семито-хамитскими или индоевропейскими (II, 21).

Вслед за Гегелем и Гердером Штур считал, что один из исторических народов всегда духовно ведет остальные народы и что исторические народы в определенный момент передают ведущую роль своим преемникам (II, 21–22). Занимаясь историей исторических народов Европы, Штур признает, что по сравнению с греками, римлянами и германцами славяне пока не имеют больших заслуг в истории человечества. Действия славян, связанные главным образом с защитой христианского мира от атак варваров, составляют, по его мнению, пока всего лишь несколько важных страниц истории человечества (II, 23–24). Духовному развитию славян до сих пор препятствовало их географическое положение – отдаленность от древнейших центров науки и местонахождение в буферной зоне с территориями, подконтрольными нападавшим варварам, утверждает Штур в произведении «Панславизм и наша страна» (II, 152); христианство, по его мнению, также распространялось из Рима сначала на Запад (II, 157). Но, как он подчеркивает, вопреки всему этому славяне достигли значительных успехов в науке (II, 154).

¹ *Dupkala Rudolf*. Herderova «filozofia humanity» a jej ohlas na Slovensku v tvorbe J. Kollára a P.J. Šafárika // *Doctrina: medzinarodowy przeglad humanistyczny*. 2005. № 2. S. 125.

² *Herder Johann Gottfried von*. *Vývoj lidskosti*. Praha: Jan Laichter, 1941. S. 332.

В этом же произведении Штур интерпретирует панславизм как спонтанный путь к преодолению отставания славянства в духовной области и в области человеческой свободы (II, 157). Как он пишет в работе «Словацкое наречие, или необходимость писать на этом наречии», славяне занимают в истории особое положение и призваны к особой жизни, но им необходимо понять свое назначение, чтобы достигнуть ее¹.

По мнению Штура, сформулированному в труде «Наука словацкого языка», народы отличаются разным духовным потенциалом и этим обусловлена их роль в истории. Славяне в большей степени духовно одарены вследствие своего племенного характера. И поэтому Штур предполагает, что после греков, римлян и германцев они совершат великие дела. В отличие от названных народов, неисторические народы, такие как монголы или турки, подобного не достигнут никогда (I, 315).

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЛАВЯН

Племенной характер является особой идеей, присутствующей во всех национально-философских произведениях Штура, но в наибольшей степени в труде «Славянстве и мире будущего». Подобно Гердеру, Коллару и Шафарику, Штур считает славян единым народом, отличающимся племенным характером (I, 203). В «Словацком наречии...» Штур пишет, что славяне едины в многообразии (I, 288, 303). Каждое из племен придает славянскому целому иное качество. Племенной характер является источником духовной силы, живости и бодрости славян (I, 222). В «Науке словацкого языка» Штур выражает мнение, что народ, содержащий множество племен и имеющий много наречий, должен быть духовно одаренным в большей степени, чем все другие народы, у которых нет племен или племена которых менее разнообразны (I, 315). Как констатирует Виктор Кохол, в основе такого взгляда лежит диалектическое понимание славянства как единого целого в смысле единства противоположностей, когда отдельные части не разрушают, а, наоборот, дополняют и оживляют целое². Диалектически он понимает также споры о характере собственных племен и наречия, которые должны обеспечить прогресс и продвижение в соответствующей области («Голос против голосов») (I, 327).

Племенным характером отличался и древнегреческий народ, который состоял из трех племен. Этот факт был источником более высокой духовности, поэтичности, бодрости и живости греков (I, 222–223); у римлян не было племен, поэтому жизнь римского народа является холодной и прозаической (I, 224).

Убеждение, что славянский народ распадается на племена, Штур обосновывает между прочим и тем, что отличия между славянскими наречиями

¹ Štúr Ludovít. Dielo I. Bratislava: Tatran, 1986. S. 233. Далее будет цитироваться это издание с указанием номера тома и страниц в скобках. – *Ред.*

² Kochol Viktor. Vyvrcholenie obrodeneckej literatúry. (Štúrovský romantizmus) // Dejiny slovenskej literatúry. Том II. Literatúra národného obrodzenia. Bratislava : Slovenská akadémia vied 1960. S. 364.

больше, чем между немецкими разноречиями. Поэтому в случае немецкого языка речь идет не о наречиях, а разноречиях. Немецкий народ не распадается на племена и весь манифестируется в одном литературном языке (I, 252). Подобным образом Штур далее аргументирует в пользу утверждения, что у других современных европейских народов нет племенного характера (I, 252 и след.).

В «Словацком наречии...» (I, 224–225) Штур разделяет славянские племена следующим образом:

южные и восточные славяне: великоруссы, малороссы, болгары, сербы, хорваты, словенцы;

северо-западные: поляки, чехи, нижние лужичане, верхние лужичане, словаки.

С сожалением он констатирует, что некоторые славянские племена не выжили и слились с другими народами, но актуальное количество племен свидетельствует о том, что дух славянского народа богат (I, 235).

Штур допускает отрицательные последствия распада славянского народа на племена и вытекающее из них терпение славян, которое связано с тем, что распад уменьшает их общую силу (I, 234). В то же время он подчеркивает положительные аспекты этого процесса; некоторые из них сформулированы в духе «нет худа без добра» (славяне спокойно переносят беды и солидарны со страждущими), некоторые в положительном духе (более развитые и сознательные племена способны помогать отстающим) (I, 235).

ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА

В соответствии с положениями немецкой идеалистической философии Штур в труде «Протесты и жалобы славян в Венгрии на противозаконные посягательства мадьяр» характеризует язык как продукт духа народа (I, 174) и как признак сущности и самобытности каждого народа (I, 174). Далее он называет его особенным видом мировоззрения каждого народа – в этом плане Штур несомненно близок Гумбольдту, – причем чем народ совершеннее, тем совершеннее его мировоззрение, выраженное языком (I, 178–179). На примере замены латинского языка немецким в немецкой среде Штур демонстрирует важность приспособляемости языка к потребностям духовной деятельности народа (I, 178). Использование отдельного языка как внешнего выражения духа народа определяет, сохранит ли народ свое положение в мире (I, 180).

В рамках решения упоминаемых проблем Штур опирается на ось племя – наречие – литература. Каждое способное племя (смотри ниже) должно пользоваться литературным наречием, соответствующим его духу, и на этом наречии создавать плоды своей духовной деятельности (I, 236). Подобно размышлениям о народах и племенах, в случае языка Штур также пишет, что чем разнообразнее язык народа, тем богаче его дух, тем он бодрее и живее (I, 222).

Штур не предлагает каждому племени использовать свое наречие в качестве литературного языка, однако он формулирует несколько условий этого:

1. наречие должно быть чистым, незагрязненным;
2. оно должно содержать что-нибудь особенное, вносящее вклад в славянский язык;
3. племя должно быть способным духовно и материально сохранять и развивать свое наречие, создавать в нем плоды своего духа и ставить их перед лицом славянства.

Штур подчеркивает, что это требование – на пользу всему славянству. Только при его осуществлении жизнь славян будет иметь прочный фундамент, потому что «все, что должно было вырасти, не будет удушено и не засохнет». Но то, что «не способно расцвести, должно прирасти к соседней ветви, чтобы не высохнуть или не зачахнуть, прилагая напрасные усилия» (I, 225).

Подобное Штур пишет и в «Науке словацкого языка», полагая, что славянские племена, владеющие чистыми наречиями, способными к выражению идей, должны пользоваться собственным литературным наречием, руководствуясь внутренней потребностью выражения всего, что в них скрыто (I, 319).

Полемизуя с Колларом, предлагающим сохранить или уменьшить количество славянских литературных наречий (и соответственно литератур), которыми он считает русское, польское, чешское и иллирийское (I, 226, 228, 236 и др.), Штур называет это предложение насильственным уничтожением того, что само «хорошо выросло». Он доказывает, что это требование – в ущерб славянам как целому (I, 226 и др.).

В контексте поддержки разнообразия славянского языка интересным представляется факт, что в более позднем послесловии к «Словацкому наречию...» Штур выражает радость и поддерживает употребление собственного литературного языка даже теми племенами, которым он ранее отказывал в способности к сохранению и развитию литературного наречия (I, 303).

Полемизуя с Шафариком, он ищет причины отсутствия единого литературного языка славян. Вопреки Шафарику он констатирует, что причиной тому не является их принадлежность к западной и восточной церквям, так как и у православных славян нет единого литературного языка. Причину он видит в племенном характере славянского народа (I, 260). Православные славянские племена пользуются наречиями, довольно сильно отличающимися от церковнославянского (I, 261); поэтому, по мнению Штура, использование собственных литературных языков (отличных от церковнославянского) представляет собой необходимое условие свободного духовного развития этих племен. Русские и сербы, по его мнению, действительно возвысились как нации только тогда, когда освободились от церковнославянского языка; подобно тому словаки поднялись как нация, только освободившись от употребления чешского языка (I, 262), – до тех же пор они духовно дремали (I, 265, 277).

СИТУАЦИЯ В ВЕНГРИИ

В «Голосе соотечественникам» Штур опирается на мнение Йозефа Добровского и Павла Йозефа Шафарика, утверждая, что словаки представляют собой самостоятельное племя славянского народа (I, 203). В «Протестах и жалобах славян...» он констатирует, что потеря собственного языка является признаком неспособности народа самостоятельно развиваться (I, 180). Штур говорит, что если один народ заставляет другой принять его язык, то он навязывает ему внешнюю форму, не соответствующую его духу, и чуждое мировоззрение, лишая его права на индивидуальность и духовное развитие в его собственном духе (I, 180–181). Он заявляет, что славяне способны развиваться самостоятельно и поэтому им не должен навязываться венгерский язык (I, 181). Усилие мадьяризировать славян является усилием навязать их духу чужой способ мышления, убедить их, что они не способны развивать свой дух и не достойны занимать место среди других народов (I, 181).

В статье «Языковая борьба в Венгрии» Штур опровергает представление об интеллектуальном превосходстве венгров над славянами (I, 166–167), а также об их большей способности к политике (I, 168). Он аргументирует это тем, что словаки не отстают от венгров в области духовной деятельности в качественном отношении; относительно количественного отставания он говорит, что оно вынужденное – вследствие действия объективных факторов, в том числе отсутствия средств и внешней поддержки (I, 167).

Национальная жизнь словаков и чехов, пишет Штур в статье «Взгляд на движение западных и южных славян», стала существовать благодаря литературе, которая, однако, сама по себе не достаточна как единственный движущий фактор (II, 180). Помимо всего прочего необходимо введение языка в школы и в общественную жизнь (II, 185).

В статье «Языковая борьба в Венгрии» Штур приветствует замену латинского языка венгерским в венгерской среде, но при этом подвергает критике игнорирование венгерских славян. Он аргументирует это тем, что их количество обосновывает потребность употребления их языка в качестве официального (I, 163), тем более что славянский язык является самым распространенным в Венгрии (I, 165).

Аналогично в статье «В чем заключается наша беда» он выражает удовлетворение от того, что венгерский язык вводится в школы, но одновременно с этим он хотел бы радоваться тому же в случае словацкого наречия (II, 123 и след.). В работе «Отзыв о Словацкой народной газете и Татранском Орле» он поддерживает языковой и национальный прогресс всех народов Венгрии, но одновременно требует не подавлять развитие венгерских славян, которых называет верными сынами отечества (I, 392).

Заметим, что такая констатация, имеющая аналог также в «Протестах и жалобах славян...» (I, 182), вполне естественна не только по историческим причинам (нитранские, панонские и др. славяне принимали активное участие в политической и военной жизни Венгерского королевства с момента его создания, причем, как утверждает Штур, сила венгров носит бурный и

неистовый характер, сила же славян оседлый и сдержанный; благодаря сочетанию этих двух сил Венгерское королевство смогло возникнуть и сохраниться), но также потому, что Штур в то время, вероятно, вообще не думал о политическом самоопределении славян, считая, что из их племенного характера вытекает и факт, что разные племена имеют разные правительства (I, 258). Заметим, что его убеждения значительно изменились после революции 1848–1849 гг. (причем уже непосредственно перед революцией и в ее течение «штуровцы» занимали автономистские позиции относительно положения славян в рамках Габсбургской монархии, а не в рамках Венгрии), что находит отражение и в книге «Славянство и мир будущего».

ВЗАИМОТНОШЕНИЕ НАРОДОВ И ЛИДЕРОВ

Интересными представляются убеждения Штура о взаимоотношении народа и его лидеров. В «Славянстве и мире будущего» он предлагает диалектическое понимание отношения народа и правительства, утверждая, что «отделять народ от правительства – бессмысленно», и добавляет, что не только «правительства дурны, но и народы испорчены. Правительства суть только выражения их собственной нравственности»¹. Он также говорит, что «характер всех возмущений отпечатывается на их вождах: чем основательнее первые, тем замечательнее, тверже, пластичнее последние»². В этих мнениях выражается, с одной стороны, глубокая демократичность Штура, а с другой, возможно, гегельянское убеждение о первичности духа народа перед индивидами и о том, что дух манифестируется в индивиде³.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ШТУРА

Исходные положения национальной философии Штура имеют место и в его эстетической концепции. Она, однако, имеет свои особенности, так как возникла после революции 1848–1849 гг. В работе «О народных повестях и песнях племен славянских» Штур называет славян наиболее поющим народом (II, 301). Кроме атрибута «поющий» Штур характеризует славян атрибутом «словесный» (II, 302). Слово он воспринимает как самый совершенный способ передачи душевного содержания (II, 304). Несловесное искусство он описывает как изображение духа в предмете (II, 304), в то время как символическое стихосложение он считает превосходящим несловесное искусство, так как оно свободно от природной предметности (II, 323).

В основе этой концепции лежит, естественно, эстетическая концепция Гегеля. В рамках гегельянской эстетики искусство выражает идею наглядно; та-

¹ *Штур Людевит*. Славянство и мир будущего: послание славянам с берегов Дуная. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1867. С. 172–173.

² *Штур Людевит*. Славянство и мир будущего: послание славянам с берегов Дуная. С. 46.

³ *Hegel Georg Wilhelm Friedrich*. Filozofia dejín. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo politickej literatúry, 1957. S. 36.

кая «природная красота», однако, является несовершенным видом искусства¹; напротив, самым совершенным видом искусства является поэзия. В отличие от Гегеля Штур считает, что поэзия как самый совершенный вид искусства свойственна именно славянам.

Труд «О народных повестях и песнях племен славянских» был создан после революции, поэтому в нем проявляется ярко выраженное критическое отношение к Западу. Эстетическое сближение славянских племен с Западом ведет к эмансипации сладострастия и к потере славянской простоты и пылкости характера. Самыми простыми и пристойными являются сербские и русские песни. К ним относятся отчасти и русинские песни, которые, однако, контаминированы элементами польского влияния, что идет в ущерб славянской простоте и чеканности (II, 441). На примере отдельных славянских племен он показывает, что контакт с Западом ведет к утрате поэтической самостоятельности; одним из таковых признаков он считает замену славянского обряда латинским (II, 517). В рецензии «Песни Бранко Радичевича» Штур пишет о том, что славянские песни и стихотворения могут успешно развиваться главным образом в южнославянской и восточнославянской среде, тогда как в западнославянской их время уже ушло (II, 549).

ПУТЬ К СВОБОДЕ – ЗАПАД VERSUS ВОСТОК

Все творчество и политическая деятельность Штура были направлены на обретение свободы и независимости его народа, причем в разное время он видел различные пути ее достижения. По его дореволюционным и революционным произведениям очевидно, что ориентация на Вену была прагматически мотивирована и обусловлена политической необходимостью (см., напр.: I, 162). При этом отношение к России постепенно изменялось. В статье «Пограничные мыта» 1847 г. он обращает внимание на факт, что страны с более развитой промышленностью и торговлей отличаются более высокой мерой политических свобод, в то время как аграрные станы отличаются несвободой; к последним Штур относит и крепостную Россию (II, 79). В статье «Панславизм и наша страна» 1847 г. он косвенно касается вопроса о доминирующем положении России в панславистском движении, не полемизируя с ним (II, 150). В статье «Русские» 1848 г. он дает прогноз великого будущего России и подчеркивает великие дела, которые дали возможность сохранить русским самостоятельность единственным из славян (II, 193). При этом он говорит, что Россия совершит великие и важные для славянства и серьезные и решительные для мира дела, когда славянский дух в ее рамках еще более распространится и появится дух свободы (II, 194). После революции 1848–1849 гг. можно наблюдать сдвиг не только в сторону ярко выраженной критики Запада, о которой уже шла речь, но и в сторону положительного отношения к России. В письме Срезневскому 1951 г. Штур пишет: «Кому Господь Бог, тому все святые, и нам кажется, что Бог – со святой Рос-

¹ Hegel Georg Wilhelm Friedrich. Estetika (výber z prvého zväzku) // *Sošková Jana. Dejiny estetiky. Antológia. Prešov: FF UPJŠ, 1994. S. 81.*

сией» (II, 219). По содержанию текста видно, что он считает православную церковь средством единения славян (II, 220).

Самый существенный сдвиг в эту сторону наблюдается в книге «Славянство и мир будущего». Многие в этой книге уже было сформулировано Штуром раньше. Например, преклонение перед творческой силой и способностью русского народа хранить все, что создал¹, а также исключительной способностью отстаивать самостоятельность (167), присутствует уже в статье «Русские». Идея православия как средства соединения всех славян (188) содержится в письме Срезневскому 1851 г. В книге «Славянство и мир будущего» сохраняется и развивается гегельянское толкование истории как процесса эмансипации духа, гердеровское понимание роли славян как единого народа, призванного занять ведущее место в истории, а также гердеровское понимание релевантных характеристик славян (как, например, их количество (159), занимаемое пространство (168) и т. п.). Разумеется, сохраняется и панславистское понимание единства славян и поиск пути к достижению их свободы. Значительно углубляется критика Запада и дополняется критикой его моральной и идейной порочности (57 и след.), а также секуляризма (44 и след.) и коммунизма (53 и след.). Несмотря на все сходства, в книге имеется множество новых, ранее не опубликованных и противоречащих содержанию ранее опубликованных работ взглядов. К гегельянским и гердеровским идейным источникам прибавляется идейный источник русского консервативного мышления, в частности – славянофильства. Штур не настаивает на своих прежних ожиданиях относительно политических свобод и индустриализации России; вместо этого он утверждает, что в России «литературные и научные журналы рассматривают соответствующие их тематике вопросы гораздо с большей свободой, чем это было возможно в Австрии при Меттернихе и, не побоимся добавить, даже теперь. В промышленном отношении успехи русских иногда превосходят всякое ожидание. Короли промышленности англичане знают это очень хорошо» (172). При этом Штур продолжает настаивать на необходимости отмены крепостного права в России (176), а также советует ей расформировать тайную полицию (182) и отказаться от политических союзов с неславянскими странами, «заключаемых единственно с целью сохранения разрушающихся или немощных династий и престолов» (174, 182). В «Славянстве и мире будущего» Штур отказывается главным образом от своих прежних взглядов на отдельное политическое существование славянских племен (см.: I, 258) и на самостоятельное развитие славянских наречий при отсутствии единого литературного языка (см.: I, 261 и след.). В свете его аргументации в вопросе употребления наречий отдельных славянских племен в качестве литературных языков в полемике с Колларом и в связи с невозможностью адекватного выражения духовного содержания чужим, хотя и славянским наречием новую пози-

¹ *Штур Людвиг*. Славянство и мир будущего : послание славянам с берегов Дуная. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1867. С. 188. Далее будет цитироваться это издание с указанием номеров страниц в скобках. – *Ред.*

цию можно считать фундаментально противоречащей его прежним взглядам. Штур практически отказывается от диалектического понимания славянского народа как единства противоположностей, в рамках которого отдельные части не разрушаются, а, напротив, дополняют друг друга и оживляют целое¹. Вместо этого он считает количество и разнообразие славянских племен проблемой, обуславливающей необходимость введения самодержавия (180) при наличии самоуправления славянской общины (8, 178). По мнению Штура, русское государство представляет собой всеподчиняющую силу славян, объединяющую разрозненные части в одно великое целое (17). Он предлагает всем славянам принять православие (185 и след.), русский язык в качестве литературного (188–189) и политически присоединиться к России (176, 182). При этом в ряде вопросов он отказывается от абстрактного философского мышления в духе западного идеализма и в большей степени занимается решением конкретных идейных и политических задач со славянофильских позиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение вслед за Владимиром Бакошем констатируем, что «штуровцы» «осознавали значение абстрактной теории (являясь воспитанниками гегельянской идеалистической систематической философии), но всегда понимали ее как основу для создания философии истории собственного народа (славянского и словацкого) и как идейный базис для поиска ответов на актуальные проблемы национальной жизни с точки зрения современного состояния и координат будущего развития (...). Хотя такое общественное мышление было теоретически обосновано, абстрактно-теоретическая проблематика отодвигалась на задний план»². Дополняя выводы Бакоша, отметим, что в свете выявленной им тенденции не удивительно, что после революции 1848–1849 гг. в национальной философии Штура отошел на задний план теоретический гегельянско-гердеровский аспект, который хотя в основных чертах и сохранился, но претерпел частичное видоизменение в результате нового подхода к вопросу возможных путей приобретения свободы словацким племенем и славянским народом в целом. Не должно удивлять то, что одновременно наблюдается существенный сдвиг в области духовных и – словами современной терминологии – геополитических симпатий на оси Запад – Восток в пользу последнего. При этом словацкие «племя» и «наречие» оставались в центре внимания и интереса Штура на протяжении всей его жизни.

¹ Ср.: *Kochol Viktor*. Vyvrcholenie obrodeneckej literatúry. (Štúrovský romantizmus) // Dejiny slovenskej literatúry. Том II. Literatúra národného obrodenia. Bratislava: Slovenská akadémia vied, 1960. S. 364.

² *Bakoš Vladimír*. Otázniky nad dejinami slovenskej filozofie // Filozofia. Вып. 58. 2003. № 10. S. 677.

ЛИТЕРАТУРА

BAKOŠ, Vladimír: *Otázniky nad dejinami slovenskej filozofie* // Filozof a, выпуск 58, 2003, № 10. S. 671–683

DUPKALA, Rudolf: *Herderova «filozofia humanity» a jej ohlas na Slovensku v tvorbe J. Kollára a P.J. Šafárika* // Doctrina : międzynarodowy przegląd humanistyczny. № 2, 2005. S. 329–336.

HEGEL, Georg Wilhelm Friedrich: *Filozofia dejín*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo politickej literatúry 1957. 478 s.

HEGEL, Georg Wilhelm Friedrich: *Estetika (výber z prvého zväzku)* // Sošková, Jana: *Dejiny estetiky. Antológia*. Prešov: FF UPJŠ 1994, s. 81. S. 81–95

HERDER, Johann Gottfried von: *Vývoj lidskosti*. Praha: Jan Laichter 1941. 469 s.

KOCHOL, Viktor: *Vývrcholenie obrodeneckej literatúry. (Štúrovský romantizmus.)* // *Dejiny slovenskej literatúry. Tom II. Literatúra národného obrodzenia*. Bratislava: Slovenská akadémia vied 1960. S. 271–474.

ONDREJOVIČ, Slavomír: *Zo slovensko-nemeckých vedecko-kultúrnych vzťahov. (Wilhelm von Humboldt a Ľudovít Štúr.)* // *Studia Academica Slovaca. 27. Prednášky XXXIV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry*. Bratislava : Stimul – Centrum informatiky a vzdelávania FF UK 1998. S. 118–123.

ŠTÚR, Ľudovít: *Dielo I*. Bratislava: Tatran 1986. 600 s.

ŠTÚR, Ľudovít: *Dielo II*. Bratislava: Tatran 1986. 592 s.

ШТУР, Людевит: *Славянство и мир будущего: послание славянам с берегов Дуная*. Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете 1867. 191 с.

Сведения об авторе:
Мартин Браксаторис,
доктор философии
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Martin Braxatoris,
Doctor of Philosophy
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
braxatoris@mail.ru